

EUROPEAN COURT OF HUMAN RIGHTS
COUR EUROPÉENNE DES DROITS DE L'HOMME

НЕОФИЦИАЛЬНЫЙ ПЕРЕВОД
АУТЕНТИЧНЫЙ ТЕКСТ РАЗМЕЩЕН НА САЙТЕ
ЕВРОПЕЙСКОГО СУДА ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА

www.echr.coe.int

В РАЗДЕЛЕ HUDOC

ТРЕТЬЯ СЕКЦИЯ

ДЕЛО «А. против РОССИИ»

(Жалоба № 37735/09)

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

Статья 3 • Позитивные обязательства • Бесчеловечное обращение • Унижающее достоинство обращение • Насильственное задержание в присутствии девятилетнего ребенка ее отца, который не оказывал сопротивления • Эффективное расследование • Недостаточное расследование заслуживающих доверия утверждений о жестоком обращении со стороны милиции

СТРАСБУРГ

12 ноября 2019 года

ВСТУПИЛО В СИЛУ

12 февраля 2020 года

Настоящее постановление вступило в силу в порядке, установленном в пункте 2 статьи 44 Конвенции. Может быть подвергнуто редакционной правке.

В деле «А. против России»

Европейский Суд по правам человека (Третья Секция), заседая Палатой в составе:

Пол Лемменс, *Председатель*,
Георгиос А. Сергидес,
Паулу Пинту ди Албукерки,
Хелен Келлер,
Дмитрий Дедов,
Алина Полачкова,
Мария Элосеги, *судьи*,

и Стефен Филлипс, *Секретарь Секции*,

проведя заседание за закрытыми дверями 15 октября 2019 года, вынес следующее постановление, утвержденное в вышеуказанный день:

ПРОЦЕДУРА

1. Дело было инициировано жалобой (№ 37735/09), поданной в Европейский Суд по правам человека против Российской Федерации в соответствии со статьей 34 Конвенции о защите прав человека и основных свобод (далее — «Конвенция») гражданкой Российской Федерации А. (далее — «заявительница») 14 апреля 2009 года. Председатель Секции удовлетворил ходатайство заявительницы об обеспечении анонимности (пункт 4 статьи 47 Регламента Суда).

2. Изначально заявительницу представляла ее мать, а затем О.А. Садовская — адвокат, практикующий в Нижнем Новгороде. Интересы Властей Российской Федерации (далее — «Власти») представлял М. Гальперин, Уполномоченный Российской Федерации при Европейском Суде по правам человека.

3. В частности, заявительница утверждала, что, осуществив насильственное задержание отца в ее присутствии, власти нарушили ее права, предусмотренные Конвенцией.

4. 11 сентября 2017 года Власти были уведомлены о жалобе.

ФАКТЫ**ОБСТОЯТЕЛЬСТВА ДЕЛА**

5. Заявительница, 1998 года рождения, проживает в г. Астрахань.

А. Задержание отца заявительницы

6. 31 мая 2008 года отец заявительницы (далее — Б), сотрудник полиции, работавший в то время в ОМВД России по Апшеронскому

району, был задержан Региональным Управлением ФСКН России по Краснодарскому краю (далее — «ФСКН») после проверочной закупки наркотиков. Операция под прикрытием была организована Региональным Управлением ФСКН России по Краснодарскому Краю в городе Туапсе и отделением Белореченского отделения Управления ФСБ России по Краснодарскому краю. Автомобиль Б. обыскали, а сумка с деньгами была конфискована. В тот же день против него было возбуждено уголовное дело следователем ФСКН А.Ф. на основании записи проверочной закупки наркотиков, которая была проведена сотрудниками ФСКН. Б. было предъявлено обвинение в продаже каннабиса Е.Н., секретному сотруднику подразделения ФСКН в Туапсе, который выступил в качестве покупателя. Прокурор утверждал, что Б. передал наркотики Е.Н. 30 мая 2008 года и получил от него деньги 31 мая 2008 года, непосредственно перед его задержанием.

7. Задержание было проведено в присутствии заявительницы, которой на тот момент было девять лет. В тот день Б. отвел ее в школу на мероприятие, посвященное окончанию учебного года. Около 8:45 утра заявительница в сопровождении Б. покинула школу и села в машину, когда к Б. подошел Е.Н., с которым он ранее работал в ОМВД России по Апшеронскому району, и они поговорили. Отчеты сторон о последующих событиях различаются.

1. Версия событий 31 мая 2008 года в изложении заявительницы

8. По словам заявительницы, Е.Н. попросил Б. присмотреть за своей сумкой, пока он покупал сигареты в ближайшем киоске. Б. взял сумку, и Е.Н. ушел. Затем несколько человек подбежали к Б. Один из них сбил его с ног и начал избивать. Заявительница выпрыгнула из машины и крикнула, чтобы они прекратили избивать ее отца. Один из мужчин крикнул ей: «Заткнись и сядь в машину!» Напуганная заявительница послушалась. Некоторое время она сидела в машине, наблюдая, как ее отца избивают и задерживают. Ей стало плохо, не хватало воздуха. Она попыталась выйти из машины, но мужчины держали двери машины снаружи, чтобы она не могла выйти. В какой-то момент, когда они уже не стояли возле машины, она открыла дверцу машины и убежала домой. Подбегая к дому, она увидела, как неизвестные ей мужчины выходили из него. Это также напугало ее, и она побежала к дому своей бабушки неподалеку. Во время бега она почувствовала головокружение и думала, что упадет. Её дядя В.К. увидел её на улице и отвел домой. Она была в состоянии шока и не могла объяснить, что произошло.

9. Заявительница представила письменное показание своего отца. Она также представила собственное показание, показание своей матери и других свидетелей, записанные адвокатом Р.В. из межрегиональной общественной организации «Матери в защиту прав задержанных, подследственных и осужденных» и подписанные опрашиваемыми.

10. Согласно заявлению Б. от 20 июля 2008 года, в 7:45 утра 31 мая 2008 года он отвел свою дочь А. (заявительницу) в школу № 1 на школьное мероприятие. Сразу после 8 утра ему позвонил Е.Н. и спросил, где он находится. Он ответил, что находится со своим ребенком в школе. Когда они с А. вышли из школы, Е.Н. уже ожидал их. А. села в машину, и он поговорил с Е.Н. Затем Е.Н. попросил Б. присмотреть за своей сумкой, пока он покупал сигареты в ближайшем киоске. Е.Н. ушел, и Б. вернулся к своей дочери, которая ждала его, чтобы вместе поехать домой. Так как Е.Н. не вернулся, Б. положил сумку в багажник машины и собирался сесть внутрь. В этот момент неподалеку остановилась машина, и из неё выскочили несколько человек в спортивных костюмах. Они повалили его на землю и стали избивать. Он пытался защитить лицо, прикрыв его руками. Затем они надели на него наручники и подняли его с земли. Во время ударов они порвали его рубашку. Его дочь видела, как его избивали. В.Е., заместитель руководителя подразделения ФСКН в Туапсе, объяснил, что его задержали за продажу наркотиков. Б. попросил В.Е. отпустить А. домой или обратно к ее школьному учителю. В.Е. отказался. А. пыталась выйти из машины, но два офицера, стоявшие по обе стороны от машины, заблокировали двери. Когда офицеры открыли багажник его машины, он заметил, насколько напугана была А. Он просил у В.Е. и остальных отпустить ее, но они отказались. Он попытался её успокоить и просил чуть-чуть потерпеть. Всё это длилось около часа. Когда офицеры отвлеклись и не смотрели на нее, А. выбралась из машины и побежала по направлению к дому.

11. Согласно показаниям заявительницы от 15 августа 2008 года, сделанным в присутствии ее матери и описывающим события 31 мая 2008 года, мужчина подбежал к Б. и толкнул его в спину. Б. упал и мужчина стал избивать его. Б. попросил мужчин отпустить ее домой или позвонить матери, чтобы она могла прийти и забрать ее, но мужчины не слушали. Заявительница представила некоторые подробности, касающиеся появления мужчин, которые задержали Б.

12. В соответствии с показаниями матери заявительницы, 2 августа 2008 года, когда ее семья выходила из дома в школу около 7.45 утра 31 мая 2008 года, ее дочь А. (заявительница) и ее муж (Б.) не имели травм и не жаловались на какие-либо проблемы со здоровьем. Позже тем же утром она обнаружила свою дочь в доме у родственников. Она была в состоянии шока, не могла говорить и нормально дышать. Она дрожала, ее руки и лицо тряслись. Утром сотрудники ФСКН доставили ее мужа домой на машине, чтобы провести обыск. На нем были наручники. Его джинсы были в грязи и в пыли. Его рубашка была растегнута и порвана в нескольких местах, пуговицы отлетели. Лицо у него было бледное.

13. Согласно показанию от 2 августа 2008 года свидетеля Р.Г., электрика ООО «Энергосервис», около 8.30 утра 31 мая 2008 года он проверял светофор на пешеходном переходе возле школы № 1. Заменяв лампочку, он спустился вниз и увидел, как полицейский Б. приближается к машине со стороны водительской двери. Девочка

находилась на заднем сидении машины. В этот момент сотрудник ФСКН С.К., одетый в синий спортивный костюм, подошел к Б. и ударил его сзади так, что тот упал лицом вниз, и начал его избивать. Б. пытался защититься от ударов, прикрывая голову руками. С.К. не останавливался, пока кто-то не крикнул ему перестать. Девочка тоже кричала. Главный офицер ФСКН и еще один человек присутствовали на месте в тот момент, когда С.К. избивал Б. Сразу после этого Р.Г. уехал на служебной машине проверять другие светофоры. Р.Г. знал имена полицейских, потому что работал электриком в местном отделении полиции и на объектах ФСКН.

14. Согласно заявлению 15 августа 2008 года В.К., сотрудника Апшеронского отделения полиции и двоюродного брата Б., 31 мая 2008 года по пути домой после работы около 10:30 утра он встретил дочь Б., которая куда-то бежала. Она увидела его, остановилась и рассказала о том, что кто-то избивает её отца. Она была очень напугана, заикалась и задыхалась. В.К. отвел её к себе домой и позвонил её матери.

15. Согласно заявлению от 15 августа 2008 года, сделанному учителем игры на скрипке Г.А., до событий 31 мая 2008 года заявительница была общительной, веселой, трудолюбивой, способной и многообещающей ученицей. После этих событий она стала медлительной и сдержанной, чем очень отличалась от той ученицы, которая раньше схватывала всё на лету. Она стала быстро уставать и хотела бросить уроки игры на скрипке.

16. Мать заявительницы предоставила фотографии рубашки Б., которая была на нем во время задержания. За исключением трех пуговиц на нижней части рубашки, остальные пуговицы на рубашке отсутствовали. Рубашка была порвана в тех местах, на которых раньше были пуговицы.

2. Версия событий 31 мая 2008 года в изложении Властей

17. Согласно заявлению Властей Российской Федерации, во время задержания Б. физическая сила не применялась, а с заявителем не обращались так, как было сказано в ее показаниях. Они ссылались на записи из места содержания под стражей, в которых находился Б. после его ареста (см. пункт 27 ниже), и «объяснения», представленные сотрудниками ФСКН С.К., В.Д., А.О., В.Е., Е.Н. и С.С. (см. пункты 24, 36 и 38 ниже), сотрудником Федеральной службы безопасности С.П. (см. пункт 39 ниже), сотрудниками Апшеронской полиции К.А. и М.И. (см. пункт 37 ниже), свидетелей А.Ш. и П.М. (см. пункты 31 и 35 ниже) и сотрудника ФСКН А.З., который проводил внутреннее расследование ФСКН (см. пункт 40 ниже).

Б. Состояние здоровья заявительницы после событий 31 мая 2008 года

18. Заявительница описала свое состояние здоровья после инцидента 31 мая 2008 года следующим образом. Она начала кричать по ночам, мочиться и испытывать приступы паники в те моменты, когда рядом никого не было. Она перестала общаться с другими детьми, стала замкнутой, потеряла былую энергичность, испытывала трудности с речью, а также у неё развился тремор лица и конечностей. Она перестала интересоваться музыкой даже несмотря на то, что раньше успешно обучалась игре на скрипке.

19. 3 июня 2008 года заявительница прошла обследование у невропатолога, и ей был поставлен диагноз — неврологическое расстройство и неврозоподобный энурез. 6 июня 2008 года она прошла осмотр у психолога, которому она пожаловалась, что стресс являлся причиной ее ночных криков, страхов и необщительности. Ей был поставлен диагноз — посттравматическое стрессовое расстройство, высокий уровень тревоги и заикленность на стрессовой ситуации. Диагноз «посттравматическое стрессовое расстройство» был подтвержден 25 июня 2008 года детскими психиатрами и психологами в Специализированной клинической психиатрической больнице № 1 в Краснодаре и в Детской поликлинике города Краснодар. В тот же день невролог из детской областной больницы также поставил ей диагноз — нейрогенный гиперрефлексивный мочевого пузыря. Кардиолог из той же больницы подтвердил ранее известный ей диагноз — пролапс митрального клапана. Она проходила амбулаторное лечение и находилась под наблюдением в Центральной районной больнице Апшеронского района. В июле и августе 2008 года она наблюдалась у врачей на предмет посттравматического стрессового расстройства.

20. Из архивов показаний заявительницы адвокату 12 октября 2017 года следует, что состояние ее здоровья улучшилось после освобождения отца. Ее энурез почти прекратился, но ее кошмары продолжались еще около двух лет. Она подтвердила, что в настоящее время у нее нет проблем со здоровьем.

21. Согласно предварительному заключению психолога Д.С. из Бюро независимой экспертизы «Версия» с офисами в Москве и Санкт-Петербурге, 15 февраля 2018 года он пообщался с заявителем и проверил ее медицинские записи. В итоге он установил, что между событиями 31 мая 2008 года и состоянием здоровья заявительницы, которое ухудшилось сразу после этого, могли существовать причинно-следственные связи. Чтобы обосновать такой вывод, необходимо провести комплексные психологические и психиатрические обследования заявительницы с участием ее родителей. Психиатр имеет право провести клиническую оценку здоровья заявительницы после событий 31 мая 2008 года и оценить их влияние на ее самочувствие. Д.С. предоставил подробную информацию о стоимости и продолжительности предлагаемого освидетельствования.

22. «Экспериментальная психологическая экспертиза» была проведена над заявителем психологом Д.Т. из некоммерческой организации «Социальная сфера», расположенной в Нижнем Новгороде. Согласно протоколу Д.Т. от 7 марта 2018 года, результаты обследования можно интерпретировать как указание на наличие элементов посттравматического стрессового расстройства и ряда других состояний (высокий уровень тревоги и низкий уровень приспособляемости, субдепрессия или скрытая депрессия, а также фобии), которые являются последствиями событий 31 мая 2008 года и последующего наведения справок.

В. Наведение справок следственным органом

23. 10 июля 2008 года мать заявительницы подала заявление в Апшеронскую районную прокуратуру, утверждая, что сотрудники ФСКН избили ее мужа Б. в присутствии ее дочери А., что нанесло вред здоровью А. Б. не оказывал сопротивления при задержании. Его одежду порвали в процессе избиения. А. закрыли в машине и тем самым лишили свободы. Заявление было передано в Белореченский межрайонный следственный отдел Следственного комитета Российской Федерации по Краснодарскому краю (далее — «следственный комитет»), который провел доследственную проверку.

24. 10 июля 2008 года сотрудники ФСКН С.К., В.Д. и А.О., которые задержали Б., и заместитель руководителя подразделения ФСКН в Туапсе В.Е., который присутствовал при задержании, представили одинаковые письменные «объяснения» главе следственного комитета, утверждая, что к Б. не было применено никакой физической силы во время его задержания. Они заявили, что задержали Б. возле его машины, в которой сидела его дочь А., и что после задержания Б. сам заставил ее выйти из машины и отправил ее домой.

25. На основании объяснений сотрудников ФСКН, 14 июля 2008 года следователь М.В. отказался возбудить против них уголовное дело на том основании, что в их действиях отсутствовали элементы преступления, предусмотренного статьей 286 Уголовного кодекса РФ (злоупотребление должностными полномочиями). Следователь отметил, что, учитывая юный возраст А. и тот факт, что она страдала от сердечно-сосудистых заболеваний, задержание ее отца как таковое могло спровоцировать ее посттравматическое стрессовое расстройство.

26. Постановление следователя было признано незаконным и необоснованным, и поступило распоряжение провести дополнительную доследственную проверку.

27. Следователь получил записи из изолятора временного содержания в отделении милиции города Туапсе, в котором Б. находился после задержания. Согласно этим записям, Б. не подавал никаких жалоб, не обращался за медицинской помощью, а на его теле не было зафиксировано следов побоев.

28. Следователь допросил заявительницу и ее мать, В.К. и его жену, а также Г.А. и А.Ш.

29. В.К., сотрудник Апшеронского отделения милиции, заявил, что около 10:30 утра 31 мая 2008 года он шел домой после своей смены. Он уже знал о том, что его двоюродного брата Б. задержали сотрудники ФСКН. Он увидел как А., дочь Б., бежит по улице. Она была напугана. Она рассказала ему, что какие-то люди избивают ее отца. По словам жены В.К., следователя Апшеронского отделения милиции, она находилась дома около 10 часов утра 31 мая 2008 года. В какой-то момент после этого ее муж пришел домой с А.: она была напугана и находилась в состоянии шока.

30. По словам Г.А., который обучал заявительницу игре на скрипке, после событий 31 мая 2008 года заявительница, которая ранее успешно обучалась игре на музыкальном инструменте и даже одержала победу на региональном конкурсе, теперь не могла играть на скрипке так, как раньше.

31. По словам А.Ш. (опрошен 19 августа 2008 года), 30 мая 2008 года к нему подошли два человека, которые попросили его принять участие в проверочной закупке в качестве очевидца. Он согласился. Операция длилась два дня. 31 мая 2008 года он являлся свидетелем задержания Б. у школы № 1. Сотрудник ФСКН Е.Н. передал Б. сумку с деньгами, после чего к Б. подошли несколько человек в штатском, которые показали ему свои документы и отвели к своей машине. Рядом была другая машина, в которой сидела девочка. Б. велел ей быстро идти домой. Сотрудники ФСКН не кричали на девочку, не закрывали двери машины, в которой она сидела, и не блокировали выход из автомобиля. Примерно через пятнадцать минут они начали обыскивать машину, и девочка вышла. Она испугалась, но у нее не было истерики, и она не плакала. Она сначала отошла, а затем побежала. Сотрудники ФСКН не применяли по отношению к Б. физическую силу.

32. 21 августа 2008 года следователь М.В. снова отказался возбудить против сотрудников ФСКН уголовное дело на том основании, что в их действиях отсутствовали элементы преступления, предусмотренного статьей 286 Уголовного кодекса РФ. Согласно его заявлению, не было установлено, что против Б. применялась физическая сила или что А. насильно удерживали в автомобиле. Двери машины были открыты, и впоследствии она могла самостоятельно покинуть автомобиль. Против нее не было использовано ни физическое насилие, ни психологическое насилие, ни угрозы. Присутствие сотрудников ФСКН у дверей машины не мешало ее свободному передвижению. После того, как она убежала, ее не преследовали и не пытались вернуть для того, чтобы удержать в машине и ограничить ее свободу. Приняв к сведению медицинские справки о состоянии здоровья А. после событий 31 мая 2008 года, следователь заявил, что действия сотрудников ФСКН, направленные на задержание отца А., неуверенность в том, что именно происходило и какие действия стоило предпринять в подобной ситуации,

ошибочная оценка поведения сотрудников милиции как преднамеренного ограничения ее свободы передвижения наряду с хорошо развитым воображением и чувствительностью А. послужили для нее мощным источником стресса, который мог вызвать ее последующие проблемы со здоровьем.

33. Постановление следователя снова было отменено, поступило распоряжение провести дополнительный этап доследственной проверки.

34. Следователь М.В. получил протокол освидетельствования Б., проведенного следователем следственного комитета в присутствии адвоката 24 июля 2008 года. Согласно показанию Б., С.К. и другие сотрудники ФСКН сбили его с ног, нанесли несколько ударов по телу и надели на него наручники. При задержании они порвали его рубашку. Б. не оказывал сопротивления при задержании. От ударов, которые он получил, не осталось синяков на теле.

35. 22 августа 2008 года следователь М.В. опросил П.М., еще одного очевидца проверочной закупки наркотиков, проведенной в отношении Б. Согласно пояснениям П.М., которые совпали с пояснениями А.Ш. (см. пункт 31 выше), сотрудники полиции были в гражданской одежде. Б. вел себя спокойно, его рубашка была расстегнута, но не порвана, и он не пострадал. Б. говорил с А. твердо. Сотрудники ФСКН уточнили, почему он заставляет ее идти домой, заявив, что они могут взять ее с собой, когда поедут к нему домой проводить обыск. Б. отказался.

36. По словам оперативного сотрудника подразделения ФСКН в Туапсе, Е.Н., который выступал в качестве покупателя в проверочной закупке наркотиков (опрошен следователем М.В. 24 августа 2008 года), 30 мая 2008 года Б. отдал ему наркотики, и они договорились, что он заплатит Б. на следующий день. За передачей денег наблюдали очевидцы, которые сидели в машине. 31 мая 2008 года около 8:30 утра после телефонного разговора между двумя мужчинами Е.Н. передал Б. сумку с деньгами возле школы № 1. Дочь Б. сидела в машине неподалеку. После передачи денег Е.Н. и Б. были задержаны примерно восемью лицами в штатском, которые выскочили из двух автомобилей. Они представились и предъявили свои документы. Они были сотрудниками ФСКН и ФСБ. Ни физическая сила, ни силовая тактика, ни захваты не использовались по отношению к Б. во время его задержания. Б. вел себя спокойно и не оказывал сопротивления при задержании. Ни физическое насилие, ни психологическое насилие, ни угрозы не были использованы по отношению к его дочери. Никто не блокировал двери машины, в которой она сидела.

37. По словам сотрудников Апшеронской милиции К.А. (интервью 22 августа 2008 года) и М.И. (интервью 1 сентября 2008 года), 31 мая 2008 года они проезжали мимо школы № 1 и увидели своего коллегу Б. Они остановились, вышли из машины и пошли к нему. Их путь заблокировали несколько лиц в штатском, которые объяснили, что сотрудники полиции не могут пройти, поскольку там идет операция. Б. находился примерно в 10 метрах от них. Его рубашка была

расстегнута, было заметно, что она порвана. Пуговицы на рубашке отсутствовали. Они не увидели повреждений на теле Б. Ситуация была спокойной, и они ушли.

38. Согласно показаниям сотрудника ФСКН С.С. (допрошен 24 августа 2008 года), 31 мая 2008 года он прибыл на место после задержания Б. и вместе с коллегами направился в дом Б. Он видел, как заявительница приближалась к своему дому и затем ушла.

39. По словам С.П., оперативного сотрудника Белореченского подразделения Краснодарского областного управления Федеральной службы безопасности (опрошенного следователем Р.З. из следственного комитета 29 августа 2008 года), который присутствовал при задержании Б., против Б. была применена физическая сила, потому что он пытался скрыться с места преступления. Используемая сила была необходимой, а не чрезмерной, то есть избиение Б. не предполагалось. Дочь Б. находилась в его машине. Б. предложили поговорить с женой и попросить, чтобы она пришла и забрала их дочь. Однако Б. настоял на том, чтобы его дочь побежала домой. Девочка послушала отца и побежала домой. Никто её не удерживал и не преследовал.

40. 29 августа 2008 года следователь М.В. также взял интервью у А.З., старшего оперативного сотрудника отдела внутренней безопасности Краснодарского областного отделения ФСКН, который провел (с 30 июля 2008 года по 7 августа 2008 года) внутреннее расследование по жалобе, поданной матерью заявительницы в ФСКН. Он пришел к следующим выводам: Согласно показаниям, полученным от сотрудников ФСКН, а именно С.К., В.Д., А.О. и В.Е., а также отдельных лиц П.М., И. и Г., Б. не был избит во время задержания, а А. не удерживали в автомобиле насильно. Сам Б. приказал ей выйти из машины, и она убежала. Никто её не преследовал и не использовал меры психологического воздействия на нее. Р.Г., электрик, работающий в компании «Энергосервис», проверял светофор на перекрестке возле места задержания. Он подтвердил, что видел, как сотрудник ФСКН С.К. задерживал Б. и избивал его. Однако, учитывая, что директор «Энергосервиса» не подтвердил «официально», являлся ли тот день рабочим для Р.Г., и с учетом того, что Р.Г. был зарегистрирован с 25 февраля 2007 года как наркоман и был неоднократно задержан сотрудниками ФСКН за административные правонарушения, связанные с употреблением наркотиков, он мог давать ложные показания, направленные на дискредитацию сотрудников ФСКН. По словам «специалиста», с которым проводились консультации в отношении медицинских документов А., А. была очень чувствительной, эмоционально нестабильной, избирательной в своих контактах и имела высокий уровень тревожности. Принимая во внимание ее ранее существовавшую неврологическую патологию, даже незначительной стрессовой ситуации, особенно с участием ее отца, было бы достаточно, чтобы вызвать у нее психологическую травму. Факт избиения отца в её присутствии необязателен. Тот факт, что она долгое время находилась

в машине, не был связан со стрессом, который она испытала. Таким образом, внутреннее расследование не установило вину сотрудников ФСКН в нанесении временного ущерба здоровью А., который был причинен во время задержания Б.

41. 1 сентября 2008 года, опираясь на вышеуказанные материалы и используя те же доводы, что и в своем предыдущем постановлении, следователь М.В. отказал в возбуждении уголовного дела в отношении сотрудников ФСКН С.К., В.Д., А.О., В.Е., Е.Н. и С.С. Он добавил, что в законных и оправданных действиях сотрудников ФСКН по задержанию Б. отсутствовали элементы преступления, и у них не было намерения нанести вред здоровью А.

Г. Судебный пересмотр постановлений не проведен

42. В ходе разбирательства, проведенного в соответствии со статьей 125 Уголовно-процессуального кодекса 12 сентября 2008 года, Апшеронский районный суд отклонил жалобу матери заявительницы на постановление следователя от 1 сентября 2008 года, указав, что постановление было законным и обоснованным, поскольку оно было подкреплено всесторонним и объективным предварительным расследованием и соответствовало Уголовно-процессуальному кодексу. 22 октября 2008 года Краснодарский областной суд оставил в силе постановление районного суда по жалобе заявительницы. Он заявил, что при определенных обстоятельствах сотрудники правоохранительных органов могут применять силу на законных основаниях. Кроме того, никаких телесных повреждений у Б. зарегистрировано не было. Заключение внутреннего расследования ФСКН об отсутствии вины со стороны сотрудников ФСКН во временных проблемах здоровья заявительницы было основано на мнении специалиста относительно ее реакции на конфликтную ситуацию. Таким образом, районный суд справедливо оценил отказ следователя возбудить уголовное дело.

Д. Прекращение уголовного производства в отношении Б

43. 30 декабря 2009 года следователь Р.К. из Следственного комитета при прокуратуре Краснодарского края прекратил уголовное дело в отношении Б. за отсутствием состава преступления в его действиях на том основании, что доказательства по делу были получены незаконно. Первоначальная копия записи о проверочной закупке наркотиков, на основании которой было возбуждено уголовное дело, отсутствовала. Доступная копия записи отличалась от оригинала (в частности, указывала на другое место, в котором Е.Н. передавал наркотики сотрудникам ФСКН) и, следовательно, являлась фиктивной. Чтобы установить обстоятельства продажи наркотиков, следователь Р.К. допросил П.М., который являлся одним из свидетелей. Согласно показаниям свидетеля П.М., он по просьбе

сотрудников ФСКН дал ложные показания о том, что видел, как Б. передавал наркотики Е.Н., а Е.Н. офицерам ФСКН 30 мая 2008 года. В этот день П.М. не встречал офицеров ФСКН и не был свидетелем никаких передач наркотиков. 31 мая 2008 года сотрудник ФСКН С.С. отвез его и еще одного свидетеля А.Ш. к школе № 1 в Апшеронске. Когда они прибыли, Б. уже стоял в наручниках возле машины. В машине находилась сумка с деньгами. П.М. не видел, кто её туда положил. Затем они пошли в дом Б., чтобы провести обыск, но его жена непустила их. Они пошли в офис ФСКН, где П.М. был показан пластиковый пакет. Ему сказали, что Б. продал пакет с наркотиками Е.Н., который затем передал его сотрудникам ФСКН. П.М. вспомнил, что подписывал документы по просьбе офицеров ФСКН, не читая их.

44. Следователь Р.К. отметил, что не было видеозаписей или каких-либо других доказательств, которые могли бы объективно подтвердить, что Б. передал наркотики Е.Н. Поэтому было невозможно установить обстоятельства продажи наркотиков. Кроме того, уголовное дело против Б. было возбуждено следователем А.Ф. вследствие нарушения статьи 151 Уголовно-процессуального кодекса, которая предусматривала, что уголовные дела, касающиеся преступлений, совершенных сотрудниками милиции, должны расследоваться следственными комитетами прокуратуры. Сотрудники ФСКН знали о статусе Б. как сотрудника милиции. Таким образом, следственные действия, проведенные следователем ФСКН А.Ф., были незаконными, а полученные доказательства были недопустимыми.

ПРАВО

I. ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ НАРУШЕНИЕ СТАТЕЙ 3 И 13 КОНВЕНЦИИ

45. Заявительница жаловалась на то, что необоснованное применение физической силы против ее отца во время его задержания в ее присутствии и обращение с ней сотрудниками ФСКН нарушило ее права по статье 3 Конвенции. Далее она подала жалобу в соответствии со статьей 13 Конвенции, что по данному инциденту не было проведено тщательного и независимого расследования. Статьи 3 и 13 Конвенции предусматривают следующее:

Статья 3

«Никто не должен подвергаться ни пыткам, ни бесчеловечному или унижающему его достоинство обращению или наказанию».

Статья 13

«Каждый, чьи права и свободы, признанные в настоящей Конвенции, нарушены, имеет право на эффективное средство правовой защиты в

государственном органе, даже если это нарушение было совершено лицами, действовавшими в официальном качестве».

А. Доводы сторон

1. Власти

46. Власти Российской Федерации оспаривали утверждения заявительницы, опираясь на результаты предварительного расследования (см. пункт 17 выше). Они утверждали, что не рассчитывали на присутствие заявительницы во время задержания Б. на месте преступления сразу после получения денег за проданные наркотики. Сотрудники, проводившие задержание, не смогли предсказать время и место преступления, совершенного Б. Если бы Б. не был задержан, доказательства уголовного преступления были бы утеряны.

47. Власти заявили, что было проведено всестороннее и тщательное расследование предполагаемого жестокого обращения с заявителем в соответствии со статьей 3. Однако никакие показания, кроме тех, что были предоставлены членами семьи заявительницы, не продемонстрировали, что сила применялась против отца заявительницы или что она сама подверглась предполагаемому обращению. Заявительница воспользовалась эффективными внутригосударственными средствами правовой защиты. Соответствующие постановления были приняты не в ее пользу, поскольку ее утверждения были необоснованными.

2. Доводы заявительницы

48. Заявительница утверждала, что, будучи невольной свидетельницей жестокого задержания и избиения ее отца, она не получала никакой поддержки или защиты от представителей государства. После задержания ее отца она осталась одна в его машине, в одиночестве убежала домой и была случайно найдена одним из ее родственников на улице в состоянии глубокого шока. Инцидент серьезно повлиял на её здоровье и развитие. Спустя десять лет после событий она все еще страдала от последствий. Учитывая, что в то время ей было девять лет, и, следовательно, она была сильнее подвержена негативным последствиям жестокого обращения, чем взрослый, а также учитывая продолжительные негативные последствия, которые оказали эффект на нее, уровень ее страданий был настолько высок, что такого рода обращение со стороны сотрудников милиции должно быть классифицировано как пытка.

49. Заявительница также утверждала, что представители органов власти должны были предвидеть ее возможное присутствие на месте задержания, поскольку задержание проводилось возле школы, в которую её привел отец. Они могли бы, например, связаться с администрацией школы, чтобы не допустить ее выхода из школы во время задержания или обеспечить присутствие сотрудника школы для

оказания ей психологической поддержки. После этого они могли отвести ее обратно в школу, чтобы сократить время ее присутствия на месте задержания или не допустить, чтобы она пошла домой без сопровождения. Власти имели необходимое время, но не приняли никаких мер для предотвращения или сведения к минимуму вреда здоровью заявительницы.

50. Власти отказались возбудить уголовное дело о предполагаемом жестоком обращении с заявителем со стороны милиции и вместо надлежащего расследования провели поверхностное предварительное расследование. Их постановление было основано на показаниях сотрудников ФСКН и не приняло во внимание доказательства, подтверждающие утверждения заявительницы, и противоречия между показаниями сотрудников ФСКН и свидетелей.

Б. Приемлемость жалобы

51. Суд отмечает, что эти жалобы не являются явно необоснованными в значении подпункта «а» пункта 3 статьи 35 Конвенции. Он также отмечает, что они не являются неприемлемыми по каким-либо другим основаниям. Следовательно, данные жалобы должны быть признаны приемлемыми.

В. Существо жалоб

1. Общие принципы

52. Суд напоминает, что статья 3 Конвенции закрепляет одну из основных ценностей демократического общества. Она категорически запрещает пытки или бесчеловечное или унижающее достоинство обращение или наказание, независимо от обстоятельств или поведения потерпевшего (см. постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Кудла против Польши» (*Kudła v. Poland*), жалоба № 30210/96, пункт 90, ECHR 2000-XI).

53. Если лицо выступает с достоверным утверждением о том, что оно подверглось обращению, нарушающему требования статьи 3 Конвенции, со стороны полиции или иных аналогичных представителей государства, то это положение в совокупности с вытекающей из статьи 1 Конвенции общей обязанностью государства «обеспечивать каждому, находящемуся под его юрисдикцией, права и свободы, определенные в... Конвенции», косвенно требует проведения эффективного официального расследования. Такое расследование должно быть способным привести к установлению и наказанию виновных. (см. постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Лабита против Италии» (*Labita v. Italy*), жалоба № 26772/95, пункт 131, ECHR 2000-IV). В противном случае, общий правовой запрет в отношении пыток и бесчеловечного и унижающего достоинство обращения и наказания, несмотря на свою фундаментальную важность, был бы на практике неэффективен, и в

некоторых случаях представители Государства могли бы практически безнаказанно нарушать права лиц, находящихся под их контролем (см. постановление Европейского Суда от 28 октября 1998 года по делу «Ассенов и другие против Болгарии» (*Assenov and Others v. Bulgaria*), пункт 102, *Сборник постановлений и решений 1998-VIII*).

54. Утверждения о жестоком обращении, совершаемом в нарушение статьи 3 Конвенции, должны подкрепляться соответствующими доказательствами. При оценке доказательств Европейский Суд по правам человека, как правило, применяет критерий доказанности «вне разумного сомнения» (см. постановление Европейского суда от 18 января 1978 года по делу «Ирландия против Соединенного Королевства» (*Ireland v. the United Kingdom*), пункт 161, серия А № 25). Однако такое доказательство может вытекать из совместного существования достаточно обоснованных, очевидных и согласующихся друг с другом предположений или аналогичных не опровергнутых фактических презумпций (см. постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Салман против Турции» (*Salman v. Turkey*), жалоба № 21986/93, пункт 100, ECHR 2000-VII).

55. Что касается детей, которые являются особенно уязвимыми, меры, применяемые Властями для их защиты от насильственных действий, подпадающие под действие Статей 3 и 8, должны быть эффективными, и включать разумные шаги, направленные на предотвращение жестокого обращения, о которых органы власти имели или должны были иметь представление, а также эффективные средства предупреждения таких серьезных нарушений неприкосновенности личности. Такие меры должны быть направлены на обеспечение уважения человеческого достоинства и защиту наилучших интересов ребенка (см. постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Содерман против Швеции» (*Söderman v. Sweden*), жалоба № 5786/08, § 81, ЕКПЧ 2013).

56. Ранее Европейский Суд по правам человека установил в деле Гуцанови, что возможное присутствие детей, чей молодой возраст делает их психологически уязвимыми, на месте задержания является фактором, который необходимо учитывать при планировании и проведении таких операций (см. постановление Европейского суда по делу «Гуцанови против Болгарии» (*Gutsanovi v. Bulgaria*), жалоба № 34529/10, пункт 132, ECHR 2013 (выдержки)). В этом деле Европейский Суд по правам человека установил, что тот факт, что полицейская операция, которая была проведена рано утром и в которой участвовали специальные агенты в масках, увеличивает чувства страха и тревоги, испытываемого детьми, ставшими свидетелями задержания их отца, в той степени, в которой обращение, которому они подверглись, превысило порог строгости, прописанный в Статье 3, что равносильно унижающему достоинство обращению (пункт 134, там же).

2. Применение указанных выше принципов к данному делу

(а) Установление фактов

57. Стороны не оспаривают тот факт, что заявительница присутствовала на месте задержания Б. и видела, что с ним произошло, и что вскоре после этих событий у нее был диагностирован ряд заболеваний, включая неврологическое расстройство, энурез и пост-травматическое стрессовое расстройство. Заявительница утверждала, что ее расстройства здоровья были вызваны тем, что она стала свидетельницей насилия в отношении своего отца, который не оказал сопротивления при задержании, в том числе того, как его сбили с ног и избili, в частности, несколько раз ударив его. Власти Российской Федерации оспаривали утверждения заявительницы, утверждая, что задержание Б. не предусматривало применения к нему какой-либо силы, поэтому власти не могут нести ответственность за любой ущерб, причиненный заявительнице. При этом Власти Российской Федерации опирались на записи из следственного изолятора, в котором содержался Б., и показания, сделанные в ходе предварительного расследования утверждений заявительницы:

- сотрудниками ФСКН С.К., В.Д., А.О., В.Е., Е.Н. и С.С.;
- сотрудниками ФСБ С.П.;
- Ашперонскими сотрудниками милиции К.А. и М.И.;
- свидетелями А.Ш. и П.М., и
- сотрудником ФСКН А.З., который проводил внутреннее расследование ФСКН (см. пункт 17 выше).

Европейский Суд по правам человека изучит этот материал вместе с другими материалами дела, которые находятся на его рассмотрении.

58. Согласно записям из следственного изолятора, в котором Б. находился после задержания, на теле Б. не было обнаружено следов травм и он не подавал жалоб (см. пункт 27 ниже). Европейский Суд по правам человека не имеет необходимости проверять достоверность этих записей с учетом собственных заявлений Б. о том, что удары, полученные им во время задержания, не оставили синяков на его теле (см. пункт 34 выше). Нельзя исключать, что предполагаемая сила, примененная против Б. — в особенности то, что его сбили с ног и несколько раз ударили — могла не оставить никаких видимых следов на его теле. Европейский Суд по правам человека отмечает в этой связи, что по словам Б. и свидетеля Р.Г. (см. пункты 10 и 13 выше) сотрудники ФСКН, которые задерживали Б., включая того, кто предположительно применил против него силу, были одеты в спортивные костюмы (см. также показания очевидцев А.Ш. и П.М., сотрудника ФСКН Е.Н. и сотрудников Ашперонской полиции К.А. и М.И., которые упомянули, что люди, задерживающие Б., были в гражданской одежде, пункты 31 и 35–37 выше). Это говорит о том, что они, предположительно, носили кроссовки, которые, возможно, не вызвали таких же ушибов и ссадин от удара тупым предметом, как сапоги армейского типа (см., например, постановление Европейского суда от 12 декабря 2017 года по делу «Ксенз и другие против России»

(*Ksenz and Others v. Russia*), жалобы № 45044/06 и 5 других, пункты 39, 43, 45 и 96).

59. Согласно одинаковым письменным «объяснениям», сделанным сотрудниками ФСКН С.К., В.Д. и А.О., которые задержали Б., и старшего офицера В.Е., который присутствовал во время задержания, физическая сила при задержании Б. применена не была (см. пункт 24 выше). По словам сотрудника ФСКН Е.Н., который действовал в качестве покупателя в ходе секретной операции против Б., а также присутствовал во время задержания Б., ни физическая сила, ни «силовые тактики», ни «захваты» не были применены по отношению к Б. (см. пункт 36 выше). Помимо того факта, что вышеупомянутые сотрудники имели прямую заинтересованность в отрицании обвинений, выдвинутых против них заявителем, их показания не соответствуют заявлениям С.П. и Р.Г.

60. С.П., сотрудник Федеральной службы безопасности, присутствовавший во время задержания Б., признал, что против Б. была применена физическая сила. Он утверждал, что это было необходимо, поскольку Б. пытался сбежать, но примененная сила не была чрезмерной, то есть не переросла в избиение (см. пункт 39 выше). Следует отметить, что заявление С.П. о том, что Б. пытался скрыться, не находит поддержки в заявлениях сотрудников ФСКН (см. пункты 24 и 36 выше), показаниях свидетелей (см. пункты 31 и 35 выше) или свидетеля Р.Г. (см. пункт 13 выше). Также не утверждалось, что Б. оказывал силовое сопротивление во время задержания.

61. По словам Р.Г., электрика, который проводил ремонтные работы на светофоре возле школы № 1 утром 31 мая 2008 года и был свидетелем задержания Б., офицер ФСКН С.К. нанес несколько ударов Б. во время задержания (см. пункт 40 выше); он сбил Б. с ног и ударил его ногой (см. пункт 13 выше). Сотрудник ФСКН А.З., проводивший внутреннее расследование ФСКН, отклонил показания Р.Г. как недостоверные. Он утверждал, что Р.Г. употреблял наркотики и был задержан в прошлом за административные правонарушения, связанные с употреблением наркотиков. Более того, его работодателем не было подтверждено, что Р.Г. действительно работал в этом районе 31 мая 2008 года (см. пункт 40 выше). Европейский Суд не считает позицию А.З. убедительной, поскольку он принадлежал к тому же подразделению, что и сотрудники ФСКН, которые предположительно были виновны, что ставит вопрос о независимости такого расследования. Помимо того, что предполагаемое потребление наркотиков Р.Г. или непредставление его работодателем соответствующего свидетельства не будет как таковым достаточным основанием для отказа от его заявлений, никаких подробностей в отношении какого-либо административного разбирательства против него не приводилось. Кроме того, Р.Г., показания которого были очень важны для установления фактов, никогда не допрашивался следственным комитетом, который вместо этого опирался исключительно на показания А.З. То же самое верно в отношении «специалиста» (чье имя, квалификация и другие данные не были

предоставлены), с которым предположительно консультировался А.З. и на основании мнения которого А.З. в итоге полагал, что заявительница имела ранее существовавшую неврологическую патологию, которая склоняла ее к психологической травме даже в результате небольшой стрессовой ситуации (см. пункт 40 выше). Он использовал эту информацию, чтобы установить, что ее проблемы со здоровьем были вызваны задержанием Б. без применения силы против него. Этот вывод был принят официальной доследственной проверкой без допроса «специалиста».

62. Суд также отмечает, что сотрудник ФСКН С.С. прибыл на место задержания Б. уже после операции, поэтому не видел, как Б. задержали (см. пункт 38 выше). То же относится и к коллегам Б. из Апшеронского отделения милиции, К.А. и М.И. (см. пункт 37 выше). Последний утверждал, что рубашка Б. была расстегнута и слегка порвана, а пуговицы на рубашке отсутствовали. Таким образом, показания К.А. и М.И. подтверждают утверждение заявительницы о том, что во время насильственного задержания ее отца его рубашка была порвана, а пуговицы оторваны. Это также подтверждают показания ее родителей (см. пункты 10, 12 и 34 выше), а также фотографии рубашки (см. пункт 16 выше).

63. Наконец, Власти Российской Федерации опирались на объяснения свидетелей тайной операции против Б., А.Ш. и П.М., которая была проведена 30 и 31 мая 2008 года. Согласно данным объяснениям, во время задержания против Б. не была применена физическая сила (см. пункты 31 и 35 ниже). Однако, когда через год П.М. был допрошен в качестве свидетеля по уголовному делу в отношении Б., он признал, что дал ложные показания по запросу сотрудников ФСКН, когда утверждал, что он видел передачу наркотиков и денег. Он также признал, что 31 мая 2008 года он и А.Ш. были доставлены на место задержания Б. уже после того, как он был задержан (см. пункт 43 выше). Из показаний свидетеля П.М. следует, что ни он, ни А.Ш. не были свидетелями процесса задержания Б., и объяснения, представленные ими в ходе доследственной проверки жалобы заявительницы, не могут иметь доказательной ценности. Кроме того, их заявления, а также выводы в постановлении о прекращении уголовного дела против Б. (см. пункты 43–44 выше), которые не были оспорены Властями, дискредитируют объяснения, сделанные сотрудниками ФСКН, а также аргументы Властей о непредсказуемости преступления, совершенного Б., о присутствии заявительницы на «месте преступления», а также о необходимости задержания Б. для предотвращения потери доказательств (см. пункт 46 выше).

64. Выясняется, что Е.Н., который выступал в качестве покупателя в операции ФСКН против Б., утром 31 мая 2008 года в телефонном разговоре узнал, что Б. был в школе (см. показания Е.Н. и показания Б. о том, что он сообщил Е.Н., что находится в школе с ребенком, пункты 36 и 10 соответственно). Когда Б. вышел из школы вместе с заявителем, Е.Н. ждал его. Сразу после встречи Б. и Е.Н., Б. был

задержан сотрудниками ФСКН, которые в своих объяснениях в следственном комитете признали, что в процессе задержания Б. находился возле своей машины, в которой сидела его дочь А (см. пункт 24 выше). Заявления сотрудника Федеральной службы безопасности С.П. также показывают, что сотрудники правоохранительных органов, участвовавшие в задержании Б. знали, что дочь Б., А., присутствовала на месте задержания (см. пункт 39 выше).

65. Хотя Европейский Суд не может рассмотреть утверждение заявительницы о том, что она добралась до дома без сопровождения, которое не была поднято в ходе внутреннего разбирательства (см. пункт 23 выше), и не может установить вне разумного сомнения на основании представленных ему материалов ее утверждения о грубом обращении и попытках удержать ее в автомобиле, приведенная выше оценка позволяет Суду сделать вывод о том, что ее утверждения относительно задержания ее отца и насильственного характера задержания заслуживают доверия.

(b) Соблюдение статьи 3 Конвенции

66. Далее Суд отмечает, что версия фактов, представленная Властями, была основана на доследственной проверке, первом этапе процедуры рассмотрения уголовных жалоб. Суд напоминает, что проведение доследственной проверки, за которой не следовало предварительное следствие, является недостаточным для того, чтобы государственные органы власти соблюдали стандарты проведения эффективного расследования по заслуживающим внимания предполагаемым обвинениям в жестоком обращении в соответствии со статьей 3 Конвенции (см. постановление Европейского Суда от 24 июля 2014 года по делу «Ляпин против России» (*Lyapin v. Russia*), жалоба № 46956/09, пункт 136, и недавнее постановление Европейского суда от 20 ноября 2018 года по делу «Самесов против России» (*Samesov v. Russia*), жалоба № 57269/14, пункт 51). Европейский Суд не видит никаких оснований для иного заключения по настоящему делу. Власти ответили на заслуживающие доверие утверждение заявительницы об обращении, запрещенном статьей 3 Конвенции, проведя доследственную проверку, и отказались возбудить уголовное дело и провести полноценное расследование. Это решение было одобрено национальными судами. Тем самым они отступили от их процессуального обязательства согласно статье 3 Конвенции. Доследственная проверка не предоставила Властям надлежащих оснований для выполнения своего бремени доказывания и предоставления доказательств, способных поставить под сомнение заслуживающие доверия утверждения заявительницы относительно того, что она была подвержена насильственному задержанию ее отца, которое Суд, следовательно, считает установленным (см. постановление Европейского суда от 2 мая 2017 года по делу «Олисов и другие против России» (*Olisov and Others v. Russia*), жалобы

№ 10825/09 и 2 другие, пункт 85, и упоминавшееся выше постановление по делу «Самесов против России», пункт 53.

67. Интересы заявительницы, которой в то время было девять лет, не учитывались ни на одном этапе планирования и проведения операции властей против ее отца. Сотрудники правоохранительных органов не обратили внимания на ее присутствие, о котором они хорошо знали, приступили к операции и сделали ее свидетельницей сцены насилия против ее отца в отсутствие какого-либо сопротивления с его стороны. Это оказало огромное влияние на заявительницу и, по мнению Европейского Суда, означало неспособность властей предотвратить жестокое обращение с ней (см. пункт 55 выше).

68. Таким образом, государство нарушило свое позитивное материальное обязательство, предусмотренное статьей 3 Конвенции.

69. Также имело место нарушение статьи 3 Конвенции в ее процессуальном аспекте, поскольку эффективное расследование в этом отношении не проводилось.

70. Ввиду того, что Европейский Суд установил нарушение статьи 3 в процессуальном аспекте, он не считает необходимым отдельно рассматривать жалобу заявительницы в соответствии со статьей 13 Конвенции в связи с отсутствием эффективного расследования инцидента от 31 мая 2008 года.

II. ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ НАРУШЕНИЕ СТАТЬИ 8 КОНВЕНЦИИ

71. Заявительница жаловалась на то, что применение неоправданной силы в отношении ее отца в ее присутствии также не учитывало ее чувства по отношению к ее любимому отцу, что повлекло за собой нарушение ее прав по статье 8 Конвенции, которая гласит:

«1. Каждый имеет право на уважение его частной и семейной жизни, его жилища и его корреспонденции.

2. Не допускается вмешательство со стороны государственного органа власти в осуществление этого права, за исключением случаев, когда такое вмешательство предусмотрено законом и необходимо в демократическом обществе в интересах национальной безопасности и общественного порядка, экономического благосостояния страны, в целях предотвращения беспорядков или преступлений, для охраны здоровья или нравственности или защиты прав и свобод других лиц».

72. Власти опротестовали данный довод.

73. Европейский Суд отмечает, что эта жалоба связана с жалобой, рассмотренной выше, и поэтому также должна быть признана приемлемой.

74. Принимая во внимание вывод, касающийся жалобы заявительницы по статье 3 (см. пункты 67–68 выше), который был основан на тех же фактах, что и ее жалоба по статье 8 Конвенции, Суд считает, что эта жалоба включена в предыдущую жалобу, и поэтому нет необходимости в проверке того, имело ли место в данном случае также нарушение статьи 8.

III. ПРИМЕНЕНИЕ СТАТЬИ 41 КОНВЕНЦИИ

75. Статья 41 Конвенции предусматривает следующее:

«Если Суд объявляет, что имело место нарушение Конвенции или Протоколов к ней, а внутреннее право Высокой Договаривающейся Стороны допускает возможность лишь частичного устранения последствий этого нарушения, Суд, в случае необходимости, присуждает справедливую компенсацию потерпевшей стороне».

A. Ущерб

76. Заявительница требовала компенсацию морального вреда, оставив определение ее размера на усмотрение Суда.

77. Власти заявили, что статью 41 следует применить в соответствии с утвердившейся прецедентной практикой Суда.

78. Суд присуждает заявительнице 25 000 евро в качестве компенсации причиненного ей морального вреда.

B. Расходы и издержки

79. Заявительница также требовала 4 500 евро в качестве возмещения судебных расходов и издержек, понесенных в ходе разбирательств в Суде.

80. Власти заявили, что статью 41 следует применить в соответствии с утвердившимся прецедентным правом Суда.

81. В соответствии с прецедентным правом Европейского Суда, заявительница имеет право на возмещение судебных расходов и издержек только в той мере, в какой ею было доказано, что такие расходы и издержки действительно были понесены, были необходимыми и разумными с точки зрения их размера. В данном деле, учитывая полученные документы, в частности, договор об оказании юридических услуг, заключенный заявителем после подачи жалобы в Европейский Суд, и вышеуказанные критерии, Суд полагает, что разумно присудить сумму в размере 3 500 евро в покрытие всех статей судебных издержек заявительницы по производству по делу в Суде.

B. Проценты за просрочку платежа

82. Суд считает приемлемым, что проценты за просрочку платежа должны быть установлены в размере, равном предельной учетной ставке Европейского Центрального банка, плюс три процентных пункта.

ПО ЭТИМ ОСНОВАНИЯМ СУД ЕДИНОГЛАСНО:

1. *признал* данную жалобу приемлемой;
2. *постановил*, что по данному делу было допущено нарушение статьи 3 Конвенции в ее материальном аспекте, выразившееся в неспособности властей предотвратить применение жестокого обращения по отношению к заявительнице;
3. *постановил*, что имело место нарушение статьи 3 Конвенции в ее процессуальном аспекте, поскольку эффективное расследование в отношении жалобы заявительницы не проводилось;
4. *постановил*, что отсутствует необходимость отдельно рассматривать жалобу на нарушение статьи 13 Конвенции в связи с непроведением эффективного расследования.
5. *постановил*, что отсутствует необходимость в рассмотрении жалобы на нарушение статьи 8 Конвенции;
6. *постановил*:
  - (а) что государство-ответчик обязано в течение трех месяцев со дня вступления постановления в законную силу в соответствии с пунктом 2 статьи 44 Конвенции выплатить заявительнице следующие суммы, подлежащие переводу в валюту государства-ответчика по курсу, установленному на день выплаты:
    - (i) 25 000 (двадцать пять тысяч) евро в качестве компенсации морального вреда, включая любой налог, которым может облагаться указанная сумма;
    - (ii) 3 500 евро (три тысячи пятьсот евро), плюс любой налог, которым может облагаться данная сумма, за расходы и издержки;
  - (б) что с момента истечения вышеуказанного трехмесячного срока до момента выплаты компенсации на данную сумму начисляются простые проценты в размере, равном предельной годовой процентной ставке Европейского Центрального банка в течение периода просрочки плюс три процентных пункта;
7. *отклонил* остальную часть требований заявительницы о справедливой компенсации.

Совершено на английском языке, уведомление о постановлении направлено в письменном виде 12 ноября 2019 года в соответствии с пунктами 2 и 3 правила 77 Регламента Суда.

Стефен Филлипс
Секретарь

Пол Лемменс
Председатель